

DOI: 10.31857/S013038640022419-8

© 2022 г. И.С. РЫБАЧЁНОК

ПАТРИАРХ РОССИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ ЕГОР ЕГОРОВИЧ СТААЛЬ (1822–1907)

Рыбачёнок Ирина Сергеевна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: rybachenok@gmail.com

ORCID: 0000-0002-8221-7291

Аннотация. Один из старейших российских дипломатов Е.Е. Стааль значительную часть карьеры являлся чрезвычайным и полномочным послом при королеве Великобритании и Ирландии, императрице Индии. Он внес существенный вклад в стабилизацию русско-английских отношений. Это был период острых конфликтов и кризисов на международной арене середины 80-х — конца 90-х годов XIX в. Специальных исследований, посвященных Стаалю, пока не опубликовано. Ограниченные рамки статьи не позволяют представить полную картину его деятельности на дипломатическом поприще. Автор статьи видела свою задачу в том, чтобы осветить основные вехи жизни и взгляды Стааля, профессиональные приемы и методы, которые он использовал в работе в ходе переговоров по афганскому разграничению 1884–1885 гг. и как глава российской делегации на Первой конференции мира 1899 г. в Гааге. Источниковой базой исследования послужили публикации дипломатических документов, неопубликованные донесения Стааля в Министерство иностранных дел, материалы его личного архива, сохранившегося в Архиве внешней политики Российской империи, а также его письма, отложившиеся в Государственном архиве РФ. Награды, полученные Стаалем в родном отечестве и тех государствах, где он представлял интересы России, свидетельствуют о высокой оценке его плодотворных трудов.

Ключевые слова: Е.Е. Стааль, внешняя политика России, международные отношения, афганское разграничение, Первая конференция мира в Гааге.

I.S. Rybachenok

Patriarch of Russian Diplomacy Yegor Yegorovich Staal (1822–1907)

Irina Rybachenok, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: rybachenok@gmail.com

ORCID: 0000-0002-8221-7291

Abstract. One of the oldest Russian diplomats, Yegor Yegorovich Staal, spent a significant part of his career as Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary to the Queen of Great Britain and Ireland, the Empress of India. He made a significant contribution to the stabilisation of Anglo-Russian relations. It was a period of acute conflicts and crises on the international stage in the mid—1880s and late 1890s. No special studies on Staal have yet been published. The limited scope of the article does not allow to present a complete picture of his activities in the diplomatic field. The author saw her task as highlighting the major milestones of the diplomat's life and views, the professional techniques and methods he used in his work during the negotiations for the Afghan delimitation of 1884–1885 and as head of the Russian delegation to the First Peace Conference in the Hague in 1899. The study is based on the publication of diplomatic documents, unpublished reports from Staal to the Ministry of Foreign Affairs, materials from his personal archive preserved in the Foreign Policy Archive of the Russian Empire, and his letters deposited in the State Archive of the Russian Federation.

The honours Staal received in his home country and in those countries where he represented Russia show the high appreciation of his fruitful labours.

Keywords: Yegor Staal, Russian foreign policy, international relations, Afghan demarcation, First Peace Conference in 1899 in the Hague.

Хрестоматийно известный тезис английского дипломата Генри Воттона — «посланник есть благонадежный муж, посылаемый в чужие края для сокрытия истины в видах пользы государства», — разделяется не всеми. Но всем ясна та огромная ответственность, которая ложится на представителя державы за рубежом. Дипломатический этикет основан на соблюдении обычаев страны пребывания, а также на учете принципа старшинства ранга иностранного дипломата и даты его аккредитации.

Уровень представительства России в Великобритании со временем менялся от миссии до посольства. В конце XIX в. Лондон являлся одной из шести, а в начале XX в. — одной из девяти столиц, где Россия имела посла. Этот пост считался престижным, однако назначение на него не всегда зависело от профессионализма или дипломатического старшинства, но определялось решением царя, который прислушивался или нет к советам близкого окружения. С 27 марта (8 апреля) 1884 г. по 30 августа (11 сентября) 1902 г. Чрезвычайным и Полномочным Послом России в Великобритании являлся Егор Егорович (Георг Фридрих Карл) Стааль.

Он происходил из балтийско-немецкого рода, получившего дворянство от шведского короля Карла XI в 1684 г. По высочайшему указу от 25 апреля (7 мая) 1901 г. Е.Е. Стаалю разрешили пользоваться баронским титулом Российской империи. Егор Егорович родился 10 (22) марта 1822 г. в имении Райкюль Ревельского уезда Эстляндской губернии в семье Георга Йохана фон Стаалья (1777—1862), генерала в отставке с 1813 г., и Амалии Юлианы, урожденной фон Лиленфельд (1801—1861). Он был старшим из четырех сыновей и имел четырех сестер. В родовом имении под руководством матери шведские гувернеры занимались домашним образованием Георга до 15 лет, затем обучение продолжилось в старинной школе эстонской знати Dom Schule в Ревеле, а три года спустя — в Московском университете. По окончании юридического факультета в январе 1845 г. Стаалья приняли в Азиатский департамент МИД с чином губернского секретаря, в феврале 1846 г. назначили младшим помощником столоначальника, в сентября 1848 г. — старшим помощником столоначальника, а в 1850 г. — помощником секретаря миссии в Турции.

В годы Крымской войны Стааль выполнял поручения по дипломатической части. Позже он стал секретарем Генерального консульства в Бухаресте (1857—1859 гг.), а затем старшим секретарем миссии в Греции (1859—1861 гг.), в мае 1861 г. он получил офицерский крест греческого ордена Спасителя. После краткого пребывания в центральном аппарате МИД Егора Егоровича в марте 1862 г. назначили старшим секретарем, а в ноябре 1864 г. — советником миссии в Турции. Там Стааль был удостоен турецкого ордена Меджидие 3 степени. С марта 1871 по март 1884 г. дипломат занимал пост Чрезвычайного Посланника и Полномочного министра в Вюртемберге, а также с весны 1883 г. — одновременно аналогичные посты в Баварии, Бадене и Гессене, где также был отмечен наградами.

Семейная жизнь Егора Егоровича складывалась в целом удачно. В 1867 г. он женился на третьей дочери князя Михаила Дмитриевича Горчакова, Софье (1835—1917). Любезная, обворожительная и остроумная дама умело и успешно выполняла представительские обязанности супруги посланника, а позже — посла.

Единственная их дочь Агафоклея (1867—1917) в 1900 г. вышла замуж за графа А.А. Орлова-Давыдова. Спустя шесть лет у мужа завязался роман с певицей Марией Пуаре, выступавшей на подмостках московских театров под сценическим именем Марусина. Она сумела добиться развода графа, а затем и официального брака с ним в 1914 г.

Несчастливая в личной жизни, А.Е. Стааль активно содействовала подготовке издания дипломатической переписки отца, сохранившейся в архиве лондонского посольства¹.

Российское посольство в Лондоне располагалось в Мэйфер — зеленом районе тихих улиц и уютных площадей. Купить здесь достаточно большой дом было трудно, и русское правительство приобрело два. Из-за необходимости соединить здания архитектор отвел очень много места для огромной парадной лестницы, которая придавала пышность резиденции. На втором этаже находились помещения для приемов и жилые апартаменты, а канцелярия располагалась в двух маленьких комнатах на четвертом этаже.

Финансовая обеспеченность житья Стааля в Лондоне позволяла устроиться с комфортом. Обычно чиновники заграничной службы имели оклад, в два-три раза превышавший жалование сотрудников центрального аппарата МИД. В зависимости от страны пребывания послы получали по 50 тыс. руб. в год (после 1900 г. — по 75–80 тыс. руб.). Обосновавшись в посольстве, он лишь отчасти воспользовался мебелью, оставшейся от предместника — барона А.П. Моренгейма, и купил свою². Сменивший на этом посту Е.Е. Стааля граф А.К. Бенкендорф привез из России только личные вещи. Пообщавшись с коллегой лично, в ноябре 1902 г. он писал жене: «Стааль очарователен, но ему не достает проницательности... он говорит о политике, как Дарвин говорит о науке, настолько доступно, что даже дети могут его понять»³.

Штат служащих при Стаале был небольшим: советник, первый секретарь и два вторых секретаря. Егор Егорович очень внимательно относился к нуждам и здоровью своих сотрудников, заботился об их карьерном росте, но был требователен в выполнении служебного долга. Его доброжелательность высоко ценили коллеги, со многими из которых — Н.К. Гирсом, А.Е. Влангали, А.К. Базили, Д.А. Капнистом, Н.П. Шишкиным, графом В.Н. Ламздорфом — он дружил долгие годы, о чем свидетельствует сохранившаяся переписка. Хотя, отойдя от дел летом 1897 г., Шишкин сообщал, как он счастлив, получив свободу от каждодневных трудов в здании на Мойке, и советовал коллеге отдохнуть, поскольку отставка лучше врачей поддержит здоровье, но при этом он желал Стаалю «нести знамя поколения, единственным представителем которого тот оставался»⁴.

Стааль действительно являлся представителем старой гвардии МИД. Как дипломат он отличался наблюдательностью, его донесения были не только информативны, но всегда сопровождалась вдумчивой трактовкой внутреннего положения страны пребывания и текущей международной ситуации. 14-летнее пребывание Стааля на берегах Темзы оказалось насыщенным множеством событий на международной арене (Японо-китайская война 1895 г., Ближневосточный кризис 1895–1897 гг., Англо-бурская война 1899–1902 гг., Дальневосточная экспансия России 1898–1905 гг.), и крайне важной для МИД была позиция Лондона, о которой информировал Стааль. В эти годы он участвовал в переговорах по урегулированию двусторонних отношений: после событий на реке Кушке в 1885 г., о разграничении на Памире в 1891–1895 гг., об определении сфер влияния России и Англии на Дальнем Востоке в 1898 г., а в 1899 г. возглавлял российскую делегацию на Первой конференции мира в Гааге.

На протяжении длительного времени Петербург и Лондон разделяло множество противоречий. В годовом отчете МИД за 1895 г. констатировалось: «Англия, интересы которой постоянно встречаются с нашими на Востоке, старалась противодействовать политике императорского правительства»⁵. Противостояние Российской и Британской империй в Центральной Азии в литературе именуется термином «Большая игра».

¹ Correspondance diplomatique de M. de Staal (1884–1900). Publiee par le baron A. Meyendorff. T. 1–2. Paris, 1929.

² Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 340. Оп. 588. Д. 1. Л. 57–58.

³ Цит. по: *Soroka M.* Britain, Russia and the Road to the First World War. The Fateful Embassy of Count Aleksander Benckendorff (1903–16). Farnham, 2011. P. 38.

⁴ АВПРИ. Ф. 340. Оп. 588. Д. 8. Л. 237–239, 243–244.

⁵ Там же. Ф. 137. Оп. 475. 1895 г. Л. 75 об.

Хронологические и географические рамки, периодизация, предпосылки и итоги этого явления породили значительную историографию с различными подходами и трактовками⁶.

Соперничество двух держав за влияние в регионе завязалось в 30-х годах XIX в. и, то обостряясь, то затихая, длилось до начала 1900-х. Главным призом, утверждал В.С. Мясников, была не Индия, «а возможность контроля над обширнейшими рынками сбыта и источниками сырья в глубинных районах Евразийского континента»⁷. Ставкой в этой игре оказались судьбы стран Ближнего и Дальнего Востока, Южной Азии. В борьбе России и Британии прослеживается несколько периодов.

Г.В. Чичерин, одним из первых в советской историографии обратившийся к этой проблеме, различал два периода. Первый, начавшийся продвижением России в Средней Азии от Оренбургской и Сибирской кордонных линий, завершился взятием Ташкента и Самарканда; второй — после занятия Красноводска в 1869 г., вызвав озабоченность англичан, стимулировал разжигание пропаганды об «угрозе Индии», хотя в Петербурге не помышляли об этом, но старались сохранять с Лондоном лояльные отношения.

Предложенную периодизацию, очевидно, следует дополнить, поскольку стычка у реки Кушки в 1885 г. и последовавшие затем англо-русские переговоры стали отдельным периодом соперничества, а ее кульминацией — разграничение на Памире. Военно-топографические изыскания и дипломатические переговоры вылились в Памирское соглашение 1895 г., завершившее размежевание сфер влияния России, Англии, Афганистана и Китая в этой стратегической точке, а пограничная линия Российской империи здесь была окончательно установлена.

Автор статьи, не вдаваясь в перипетии так называемой «Большой игры», ставила задачу выявить позицию российской дипломатии и основные приемы профессиональной деятельности Стааля в ходе переговоров по афганскому разграничению 1884—1885 гг. и в роли главы делегации России на Первой конференции мира 1899 г. в Гааге.

В условиях, когда жупел «русской угрозы» зачастую доминировал в правительственных кругах и общественном мнении «владычицы морей», роль посла в создании благоприятного имиджа державы, которую он представлял, в сглаживании напряженности являлась существенной. Особое значение личностный фактор приобретал в кризисные моменты. Предшественники Е.Е. Стааля служили в Лондоне сравнительно недолго: граф П.А. Шувалов в 1874—1879 гг., князь А.Б. Лобанов-Ростовский в 1879—1882 гг., барон А.П. Моренгейм в 1882—1884 гг. Стааль же благодаря длительности пребывания на посту имел возможность глубоко проникнуть в местные реалии.

Дипломатию, по мнению Егора Егоровича, должны отличать «баланс интересов, уважение к договорам, верность данному слову». Он «испытывал ностальгию по простым и прямым отношениям между государствами и людьми», хотя не считал себя «закоренелым ретроградом»⁸. Его образ мыслей и добросовестность в делах импонировали Александру III. Перед смертью монарх посоветовал наследнику (будущему императору Николаю II), учитывая состояние здоровья министра иностранных дел Н.К. Гирса, назначить на этот пост Е.Е. Стааля, но тот, сославшись на преклонный возраст, отклонил предложение⁹.

Годы пребывания в Лондоне выработали у дипломата убежденность в преимуществе и для России, и для Англии отказа от политики недоверия, он призывал стремиться к большему взаимопониманию¹⁰. В Лондоне такой подход высоко ценили. Когда в 1895 г. вставший во главе российского МИД А.Б. Лобанов-Ростовский задумал перевести Е.Е. Стааля в Вену, назначив на его место посла в Константинополе А.И. Нелидова, королева

⁶ См.: *Сергеев Е.Ю.* Большая игра. 1856—1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012.

⁷ *Постников А.В.* Схватка на «Крыше мира»: политики, разведчики, географы в борьбе за Памир в XIX веке / ред. и пред. академика В.С. Мясникова. М., 2005. С. 5.

⁸ АВПРИ. Ф. 340. Оп. 870. Д. 12. Л. 2, 4.

⁹ Там же. Оп. 588. Д. 8. Л. 128—130.

¹⁰ *Rosen R.* Forty years of diplomacy. New York, 1922. P. 103.

Виктория в личном письме Николаю II просила оставить старого посла в английской столице. Причины такого отношения, думается, убедительно объясняет оценка одного из современников, близко знавшего Стааля: «Это был необыкновенно любезный и непритязательный человек, весь как будто проникнутый желанием всех обворожить своей умной ласковостью... он прекрасно успевал в своей задаче — устранять все шероховатости между обоими странами, нисколько в то же время не жертвуя русскими интересами. Сглаживать как можно более личные отношения в дипломатии значит очень много, а этим умением г-н Стааль обладал в совершенстве»¹¹.

На посту в Лондоне Стааль руководствовался двумя подробными инструкциями от 8 (20) июня и 6 (18) июля 1884 г., которыми его снабдил Гирс. В первой содержались экспозе отношений с Англией и принципов политики России, а во второй — излагалась предыстория русско-английских переговоров с 1869 г., подробная информация о которых содержалась в архивах вверяемого ему посольства¹².

Из нее следовало, что в основе договоренностей, инициированных Лондоном в начале 1869 г., лежала идея создать между владениями двух государств буферную зону. Петербург не согласился с определением ее границ, хотя принял замысел в общем виде. Канцлер А.М. Горчаков предложил считать Афганистан нейтральной зоной, тогда как британский министр иностранных дел Дж.В. Кларендон настаивал на ее расширении на север за счет независимых ханств Южного Туркестана¹³. Дело осложнялось тем, что точно не были определены границы самого Афганистана. По образному выражению английского разведчика и историка П. Хопкирка, «тогда граница была всего лишь неопределенной линией на еще более сомнительной карте»¹⁴. Вопрос остался открытым, а осенью 1869 г. стороны условились: считать пределами Афганистана владения эмира Шер-Али хана; побудить его не распространять их; не допускать эмира Бухарского нарушать афганскую территорию. Северная граница Афганистана должна была также служить линией разграничения сфер влияния России и Англии.

В январе 1872 г. в Лондон направили П.А. Шувалова с посланием Александра II, пообещавшего не включать Хиву в состав Российской империи и договориться о северной границе Афганистана. Свои представления об этих границах английское правительство изложило в ноте министра иностранных дел графа Дж. Гренвилла на имя посла в Петербурге лорда О. Лофтуса 5 (17) октября: Бадахшан с округом Вахан от озера Сарыкуль на востоке до слияния Кокчи с Оксусом (Аму-Дарьёй) образуют северную границу; левый берег Оксуса ниже Ходжа-Салеха не принадлежит эмиру; западная граница считается хорошо известной¹⁵. Хотя, по сведениям, собранным Туркестанским генерал-губернатором К.П. Кауфманом, Бадахшан и Вахан не принадлежат эмиру, Петербург решил уступить, в расчете на обязательство Лондона удерживать эмира от завоеваний.

Длительный обмен мнениями привел к заключению соглашения 1873 г. Его особенностью, по оценке историка Г.А. Хидаятова, являлось отсутствие специального документа, подписанного обеими сторонами, — имелись лишь тексты официальных депеш, которыми кабинеты обменялись в ходе переговоров, что давало простор для различных толкований¹⁶. «Соглашение 1873 г., в достаточной мере неопределенное и свидетельствовавшее о плохом знании географии, по словам Чичерина, развязало руки царизму в Туркестане».

¹¹ Головин К. Мои воспоминания. Т. II (1881–1894). СПб., 1910. С. 92–93.

¹² Correspondance diplomatique... Т. I. № 1. Р. 25–34; № 8. Р. 42–50.

¹³ Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией 1872–1885 гг. Ч. I–II. СПб., 1886. Ч. I. С. 3–4.

¹⁴ Хопкирк П. Большая игра против России: азиатский синдром. М., 2004. С. 414.

¹⁵ Correspondance diplomatique... Т. I. № 8. Р. 43.

¹⁶ См.: Хидаятов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии. Ташкент, 1969. С. 88–89.

Продвигаясь и останавливаясь вовремя, Россия сумела в 1870–1880-е годы «завершить округление своих среднеазиатских владений, избегнув столкновения с Англией»¹⁷.

После покорения Хивы (1873 г.) и вхождения Кокандского ханства в состав России (1876 г.) Англия вторглась в Афганистан (1878 г.). Петербург принял ответные меры — в мае 1881 г. был занят Ахалтекинский оазис и подписана конвенция с Персией, по которой ее северной границей признавалась река Атрек, а шах отказывался от вмешательства в дела туркмен Мерва и Теджена. Успехи русского оружия побудили Лондон в 1882 г. вступить в переговоры с Петербургом о границе между Персией и Туркестаном, чтобы избежать соприкосновения владений России и Афганистана. Послу в Лондоне Лобанову-Ростовскому поручалось заявить, что определение границ России и Персии касается только этих стран; а разграничение между Россией и Афганистаном сводится к определению черты между Ходжа-Салехом и Серахсом¹⁸. Такая позиция оказалась неприемлемой для Англии, и обмен мнениями прекратился.

После присоединения Мерва к России (январь 1884 г.) Лондон в специальной ноте упрекнул Петербург в нарушении принятых обязательств и просил сформулировать предложения, чтобы предупредить возможные осложнения¹⁹. В ответ, подчеркнув отсутствие обязательств не посылать войска в Мерв, Гирс согласился возобновить прерванные в 1882 г. переговоры. Форин офис предложил для определения пограничной черты создать смешанную комиссию, включив в нее делегата от Афганистана, но МИД допускал его присутствие лишь как эксперта. Комиссарам от двух правительств предстояло съехаться к концу октября 1884 г. в Серахсе на правом берегу Герируда (т.е. в пределах Персии) и начать разграничение до зимы.

В таком положении находились дела, когда Стааль прибыл в Лондон. Главный тезис инструкций от 8 (20) июня 1884 г. — Александр III был убежден, что две империи могут мирно жить в Азии, каждая в своей сфере влияния — определял характер деятельности посла. Поэтому основная задача Стаалья заключалась в поддержании и развитии лояльных отношений с Англией.

Между тем англичане от имени Абдуррахман-хана предъявили претензии на оазис Пенде, позволявший контролировать путь из Герата в Мерв. Пользуясь тем, что пограничная черта по Оксусу не была установлена соглашением 1873 г., эмир, подстрекаемый Лондоном, в июне 1884 г. приказал занять оазис. Это вызвало спор об исходной точке разграничения: в Петербурге считали, что ею должен стать Ходжа-Салех, а в Лондоне — пункт на Герируде²⁰. МИД согласился с приоритетностью установить границу между реками Герируд и Мургаб, но отметил, что английская демаркационная черта разделяла земли, населенные племенем туркмен-сарыков с подчинением одной части Афганистану²¹. Кроме того, отсутствовала ясность формулировок, что допускало разнообразные толкования. В российском МИД задачу комиссаров видели только в съемке и описании местности, после предварительной договоренности между правительствами относительно зоны разграничения. Форин офис возлагал на комиссаров подготовку проекта соглашения, по которому оазис Пенде (лежащий между реками Мургаб и Кушкой и примыкающий к северной границе Афганистана) включался в его состав. Предложение Петербурга об установлении нейтральной зоны Лондон отверг.

Разрешение туркменам-сарыкам переселиться на правый берег Герируда у Старого Серахса и отправка туда двух казачьих сотен летом 1884 г. изменили положение дел²². Петербург предложил отложить заседания комиссии до января 1885 г. и, поскольку Лондон отказался сократить численность военного конвоя (превышавшего 1 тыс. человек),

¹⁷ Чичерин Г.В. Россия и азиатские народы // Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961. С. 93–95.

¹⁸ Афганское разграничение. Ч. I. С. 10–20.

¹⁹ Там же. Ч. II. № 2.

²⁰ См.: Хидаятов Г.А. Указ. соч. С. 103–107.

²¹ Афганское разграничение. Ч. II. № 19.

²² Correspondance diplomatique... Т. I. № 8. Р. 50.

назначенного в распоряжение комиссара, снабдил своего равным по численности, но отказал англичанам в проходе по правому берегу Герируда. Слухи о военных приготовлениях афганцев, поощряемых приближением английского конвоя, заставили Петербург в начале октября 1884 г. занять Пули-Хатун на правом берегу Герируда (южнее Серакса, но далеко от границы с Афганистаном), предписав генерал-лейтенанту А.В. Комарову тщательно избегать вооруженного столкновения с афганцами. Было решено установить русские посты от пункта на Герируде до пункта на Мургабе и усилить состав войск Закаспийской области.

Переговоры «зависли», и в конце октября Стааль сожалел, что его усилия не могут изменить неопределенную ситуацию, чреватую, по его мнению, серьезными осложнениями²³. Согласие договориться о зоне разграничения англичане оговорили уловкой — предварительно посоветоваться с эмиром, что Петербург отверг. Проект зоны разграничения, основанный на имеющихся данных и картах, хотя неполных и неточных, препроводили послу в Петербурге (с 1879 г.) Э. Торнтону. В ответе, переданном через Стааля, выражалась готовность принять северную границу зоны, но нежелание заранее определять южную, что означало отказ от равносильных гарантий²⁴.

Особое совещание по этому вопросу 24 декабря 1884 г. (5 января 1885 г.) постановило предложить Англии согласовать разграничительную черту сфер влияния двух держав, которую комиссары провели бы на месте. При этом сочли возможным отодвинуть границу, начинавшуюся на Герируде, на север южнее Зульфagara вдоль цепи холмов, окаймлявших правый берег реки Кушки, и завершить у Ходжа-Салеха на Оксусе. Тогда оазис Пенде оставался за Россией, а расстояние до Герата составляло 120 верст. Заключение совещания 16 (28) января 1885 г. переслали Стаалю для передачи Гренвиллу²⁵.

Тем временем отряд, отправленный для занятия Зульфagara, прибыл туда в январе 1885 г. Это обеспокоило англичан, и 8 (20) февраля Торнтон передал в российский МИД записку с настоятельным предложением приостановить движение русских во избежание «столкновений и весьма серьезных последствий». В ответ Гирс напомнил, что афганцы, вопреки соглашению 1873 г., заняли страну, никогда им не принадлежавшую, тогда как русские не выходили за пределы туркменских степей.

14 (26) февраля 1885 г. Стааль направил в МИД записку с размышлениями о возможных вариантах хода переговоров²⁶. Он считал маловероятным, что движимый своими традиционными предубеждениями Сент-Джеймский кабинет просто примет предложения России о линии афганской границы, хотя это было бы наилучшим вариантом, учитывавшим не только русские, но и британские интересы. Другая гипотеза — правительство отклонит русские предложения, сославшись на комиссию или неприемлемость линии, что даст лишь видимость пользы для России. Но это, по крайней мере, полагал он, «не приведет к немедленной коллизии с Афганистаном» и «не посеет зерна более глубоких пертурбаций, способных привести к глобальным осложнениям, последствия которых непредсказуемы». Стааль считал английских министров достаточно осторожными, чтобы так рисковать. Наконец, третий вариант — Лондон примет одни предложения, отклонив другие, поскольку считает Пенде частью афганских владений. Посол убежден, что в этом случае Петербургу следует «со всей твердостью отстаивать свои предложения». В отправленном в тот же день личном письме Егор Егорович отмечал затруднительность своего положения в настоящий момент, но тем не менее был уверен: «Следует придерживаться твердых позиций, но в мягких перчатках, чтобы не допустить открытой ссоры»²⁷.

Предвидения дипломата оправдались: в ноте 1 (13) марта Лондон отказался принять означенную черту, предложив оставить оазис Пенде за Афганистаном, а комиссарам

²³ Ibid. № 49. P. 164.

²⁴ Афганское разграничение. Ч. II. № 43, 45.

²⁵ Там же. № 46.

²⁶ Correspondance diplomatique... T. I. № 19. P. 158–160.

²⁷ Ibid. № 21. P. 102.

предоставить полную свободу действий на месте. 15 (27) марта послу поручили передать возражения Петербурга, считавшего неудобным разделять племя сарыков при таком варианте разграничения²⁸. Поскольку Гренвилл счел предложение неприемлемым, Стаалю предписали предложить новую зону разграничения, чтобы уменьшить поводы к разногласиям²⁹, но переговоры были прерваны Лондоном. В МИД больше всего опасались конфликта с Англией. Гирс в эти мартовские дни с тревогой писал Стаалю: «Надо избежать войны»; «мы на грани войны»³⁰.

Когда в Петербурге стало известно, что по линии от Зульфагара до Даш-Кёпри установлены русские посты, переговоры решили возобновить, сохраняя до их окончания status quo в спорных местах. Вместе с тем Торнтон предупредили, что, хотя начальникам русских отрядов приказано не переходить занятую линию, это правило не будет соблюдаться в случае наступления афганцев или возникновения беспорядков в Пенде. Комарову же приказали: если пендинские сарыки изгонят афганцев и позовут русских, занять эту местность для предупреждения кровопролития, но самим в акции не участвовать.

Лондон между тем нагнетал напряженность: в прессе была развязана антирусская кампания, отражавшая негодование общественного мнения. Стааль сообщал о выходках английских газет, о резких высказываниях в адрес Гирса на публичных лекциях, о требованиях осадить Россию. 15 (27) марта королева Виктория обратилась к парламенту с посланием о созыве резервистов и было вотировано предложение открыть правительству чрезвычайный кредит в 11,5 млн фт. на вооружения ввиду возможности неблагоприятного исхода переговоров³¹. На другой день в новой записке Торнтон излагался английский взгляд по поводу «слухов и неразумных угроз, недостойных двух сильных наций», и выражалась надежда на почетное для России, эмира и Англии соглашение. 18 (30) марта Петербург подтвердил намерение соблюдать права Лондона и эмира в расчете, что и «Англия будет с тем же уважением относиться к правам России», а оба правительства смогут устранить все, что мешает удовлетворительному разрешению вопроса³². Тем не менее русские войска на юге Закаспийской области усилили.

Отряд Комарова 15 (27) марта занял Ак-Тепе близ впадения Кушки в Мургаб. Афганцы перешли Мургаб и Кушку, встав на левом, т.е. русском, берегу с отрядом кавалерии, частью пехоты и восемью орудиями, а три дня спустя охватили с обоих флангов передовую линию русских постов. Категорическое требование Комарова, переданное день спустя через парламентаря, убрать афганские посты остались втуне, а выдвинутые на другой день войска были встречены ружейным и артиллерийским огнем. В ходе боя 18 (30) марта афганцы были рассеяны, а английские офицеры, не принимавшие в нем участия, но руководившие им под рукой, спешно ретировались. Генерал-лейтенант М.А. Терентьев, не только активно участвовавший в освоении Туркестана, но и имевший возможность позже изучать соответствующие документы в архивах, более красочно, чем официальный документ, описал эту сцену: «Когда все это растрепанное залпами афганское воинство бросилось наутек, проклиная англичан», их капитан прислал к Комарову «просить конвоя для охраны его от “братьев-афган”», но, не дождавшись казаков, ускакал, потеряв свой шлем пробковый... Так, все английские затеи и рассыпались прахом!»³³.

Сергеев уделил этому острому кризису в англо-русских отношениях всего четыре страницы³⁴, однозначно заняв проанглийскую точку зрения. Гораздо адекватнее в оценках Н.Н. Лисицына, которая констатирует, что «пендинский кризис отчетливо выявил провокационность действий английской стороны. Целями и задачами последней было

²⁸ Афганское разграничение. Ч. II. № 63.

²⁹ Там же. № 71.

³⁰ АВПРИ. Ф. 340. Оп. 588. Д. 4. Л. 17–20.

³¹ Correspondance diplomatique... Т. I. № 65. Р. 201.

³² Афганское разграничение. Ч. II. № 65, 66.

³³ Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии: в 3-х т. М., 2018. Т. I. С. 277.

³⁴ См.: Сергеев Е.Ю. Указ. соч. С. 180–184.

обеспечение наиболее выгодных позиций по всему спектру геостратегических, политических и экономических интересов империи на среднеазиатском театре»³⁵.

Гирс писал Стаалю, что «в деле Кушки мы белы, как снег», и «мы не можем отступить, а Комаров исполнил свой долг». Вместе с тем он с удовлетворением констатировал: «Можем себя поздравить — мы избежали войны»³⁶. Александр III одобрил действия храброго генерала, которому за Кушку была пожалована шпага, украшенная бриллиантами. Стороны договорились приостановить военные действия на спорной территории, поскольку сведения о положении дел там доходили до Лондона на четвертый день, а до Петербурга лишь на восьмой, а до тех пор оазис Пенде признали нейтральной территорией, от вступления на которую обязаны воздерживаться и русские, и афганцы.

Полагая нежелательным длительный перерыв в переговорах, Стааль по собственной инициативе решил их возобновить³⁷. Он понимал, какую ответственность берет на себя, вступая в них без формального одобрения и сформулированных императорским кабинетом предложений. Но оправданием служила, по его мнению, острая фаза кризиса, вызванная событиями у Ак-Тепе: «я чувствую, что каждый потерянный час отдаляет возможность мирного исхода». Поэтому на свой страх и риск дипломат делает предложения от своего имени и надеется, таким образом, «подготовить почву для дискуссии к тому моменту, когда снизится накал политических страстей, что позволит возобновить официальные переговоры». Он полагал, что следовало предварительно отозвать русские отряды со спорной территории и пообещать совместно проверить факты, приведшие к конфликту у Кушки.

Депеша с изложением инициатив посла вызвала лишь частичное одобрение Александра III, написавшего на ней: «Я прекрасно понимаю его страстное желание сделать все возможное, чтобы найти выход из ситуации... и в этом смысле считаю демарш оправданным, за исключением предложения отозвать войска»³⁸. В Форин офис сомневались в достоверности русских сведений об инциденте и предложили передать вопрос на обсуждение главе третьей державы, например Германии, с чем Александр III категорически не согласился. По мнению Гирса, также следовало «исчерпать конфликт без арбитража»³⁹. Стаалю поручили заявить, что русский император признает себя единственным судьей в вопросе о соответствии действий генерала Комарова данным ему приказаниям, поэтому вопрос следует свести к недоразумению⁴⁰.

В ходе бесед с английскими дипломатами Стааль выяснил, что самым существенным условием соглашения они считали обеспечение за афганским эмиром Зульфагаром на Герируде, и в случае согласия России эмир готов отказаться от оазиса Пенде. Петербург признал возможным такой вариант. Придав соглашению форму конвенции, Лондон передал Стаалю проект пограничной черты⁴¹. Однако в МИД его не одобрили до предварительного уточнения черты на месте и решения спорного вопроса о захвате Шугнана и Рошана, для чего туда следовало направить новую пограничную комиссию.

Разногласия между кабинетами касались трех пунктов: более точного определения понятия Зульфагарского ущелья (прохода); пункта пересечения границей Мургаба; направление границы между Мургабом и Оксусом. Два последних пункта удалось быстро согласовать, но по первому возникли недоразумения. Согласившись в принципе уступить афганцам Зульфагар, в Петербурге полагали, что название относится лишь к части долины Герируда, где с января 1885 г. стоял русский пост. В Лондоне на основании более подробных съемок местности английскими офицерами и имевшихся карт понимали под

³⁵ Лисицына Н.Н. Закаспийский край в англо-русских отношениях (1880-е — 1907 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. С. 25.

³⁶ АВПРИ. Ф. 340. Оп. 588. Д. 4. Л. 24—25.

³⁷ Correspondance diplomatique... Т. I. № 58. Р. 196—199.

³⁸ Ibid. № 76. Р. 207—208.

³⁹ АВПРИ. Ф. 340. Оп. 588. Д. 4. Л. 28—29.

⁴⁰ Афганское разграничение. Ч. II. № 82, 89, 96, 102.

⁴¹ Там же. № 110, 112, 118.

этим названием ущелье, тянувшееся параллельно правому берегу Герируда, открывавшее доступ к долине реки из южной Туркмении. Петербург был готов признать за афганцами права только на западную часть ущелья⁴².

После смены кабинета в Лондоне место Дж. Гренвилла занял Р. Солсбери, заявивший Е.Е. Стаалю, что его предшественник обнадежил эмира уступкой всего ущелья, поэтому правительство королевы вынуждено настаивать на своем. Петербург не согласился на такой вариант. Но после съемки местности офицерами Кавказского округа уступил при условии сохранения восточных выходов из него за Россией. Стааль снабдили соответствующей инструкцией⁴³, и дальнейшие переговоры касались только технических вопросов. 29 августа (10 сентября) 1885 г. обменом нот завершилось соглашение о разграничении афганских владений⁴⁴.

Спустя 10 лет, оценивая намерение Лондона пригласить афганского эмира, чтобы поднять свой престиж на Востоке, Стааль писал 17 (29) мая 1895 г. Лобанову: «Постоянно надвигающиеся границы могущественной Российской империи, стихийное движение вперед наших пионеров не способствовали этому престижу, на котором, в конце концов, зиждется британское могущество в Индии»⁴⁵. Вместе с тем дипломат оставался приверженцем идеи англо-русского сотрудничества. В письме Лобанову 28 декабря 1894 г. (9 января 1895 г.) он выражал мнение о необходимости «приступить к оформлению благоприятных результатов, достигнутых последними переговорами, имевшими целью разграничение обоюдных сфер влияния. Дружеский исход переговоров и установление в принципе главных условий сделки проложит путь к практическому осуществлению соглашения с этой державой»⁴⁶.

За свои труды Стааль удостоился высочайшей благодарности, а 10 лет спустя получил бриллиантовые знаки ордена Св. Александра Невского после подписания соглашения о разграничении на Памире. Важное значение этого акта подчеркивалось в отчете МИД за 1895 г.: «На Памире происходило разграничение, продвинувшее сферу нашего влияния на расстояние нескольких десятков верст к Гиндукушу»⁴⁷. В ходе этих переговоров Стааль предложил использовать механизм смешанной комиссии по аналогии с афганским разграничением. Склонность дипломата к поиску компромиссных решений проявилась и при обсуждении инициированной в 1898 г. Лондоном попытки заключить общее соглашение с Россией по комплексу спорных вопросов. Стааль приветствовал такую перспективу, но по решению Николая II дело свелось к разграничению сфер железнодорожного влияния на Дальнем Востоке.

Лебединой песнью в карьере патриарха российской дипломатии стала Первая конференция мира 1899 г. в Гааге⁴⁸. Публикацию циркуляра 12 (24) августа с предложением державам собраться на конференцию для обсуждения возможности положить предел непрерывным вооружениям посол в Лондоне приветствовал, как и циркуляр 30 декабря 1898 г. (11 января 1899 г.) с программой конференции. Но он никак не ожидал, что МИД предложит ему возглавить российскую делегацию. Стааль, который, по его словам, «не ищет ни пальмовых ветвей, ни лавров», сомневался, что сможет успешно вести дело из-за преклонного возраста, отсутствия опыта участия в таких мероприятиях и необходимости быть в Лондоне, пока шли переговоры по дальневосточным делам.

⁴² Там же. № 128.

⁴³ Там же. № 146, 147.

⁴⁴ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. № 37. М., 1952. С. 264–266.

⁴⁵ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1895 г. Д. 69. Л. 71.

⁴⁶ Там же. Л. 2–3 об.

⁴⁷ Там же. Ф. 137. Оп. 475. 1895 г. Л. 140.

⁴⁸ См.: Рыбачёнок И.С. Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге. М., 2005.

Однако министр иностранных дел В.Н. Ламздорф убедил многоопытного коллегу взвалить на себя эту нелегкую ношу⁴⁹, а Николай II в категорической форме распорядился назначить именно Стааля. Тогда по его просьбе в состав делегации, кроме известного профессора права Ф.Ф. Мартенса, включили хорошо знакомого Егору Егоровичу сотрудника министерства юстиции В.М. Гессена как секретаря для справок по юридическим вопросам. Идеализируя ситуацию, Мартенс полагал, что на конференции все министерства вместе будут представлять «единое русское правительство». Но поскольку такого не существовало, делегатам от военного, морского и финансового ведомств предстояло снимать разногласия, сносаясь с руководством в Петербурге, а последнее слово оставалось за царем. Хотя в МИД пытались придать цельность позиции России, все проблемы на месте предстояло решать Стаалю.

Прибыв в Петербург, старый дипломат признался Мартенсу в затруднительности своего положения: он плохо слышал и даже опасался, что «вернется из Гааги ногами вперед»⁵⁰. Вести прения на такой международной конференции ему предстояло впервые, и он попросил Мартенса написать для него две речи. Скромный Егор Егорович явно недооценивал свой огромный профессиональный и человеческий опыт. Однако это отмечено в рескрипте Николая II, где говорилось, что в течение 15 лет Стааль «успешно содействовал упрочению дружественных отношений между Россией и Великобританией и мирному разрешению возникавших политических вопросов», а «верное понимание истинных интересов России, наряду с высокими личными качествами, снискало ему всеобщее уважение». Это побудило возложить на патриарха дипломатии ответственную миссию, выполнение которой поспособствует решению задачи «близкой сердцу императора»⁵¹.

Инструкции предписывали главе делегации сообразовываться с позициями военного, морского и финансового ведомств, имея в виду, что сохранение нынешних численности вооруженных сил и видов вооружения на пять лет станет успехом. Полностью в его компетенции оставались вопросы третейского суда, посредничества и добрых услуг, международных следственных комиссий. Стаалю следовало добиться, чтобы разногласия на конференции не могли вредно отразиться на ее исходе.

Заседания конференции происходили в Лесном доме — дворце, построенном в 1647 г. 110 делегатов в порядке алфавита держав заняли места в высокой и светлой Оранской зале. Перед окнами в полукруге большого подковообразного стола разместились маленький прямоугольный — для секретарей. 6 (18) мая в два часа пополудни нидерландский министр иностранных дел В. Бофор открыл заседание. Стааля как представителя державы — инициатора конференции избрали ее президентом. Егор Егорович очень волновался — его руки и голос заметно дрожали, но он произнес собственную речь, а не заготовленный Мартенсом проект. Неоднократно прерывавшие ее общие рукоплескания свидетельствовали о хорошем впечатлении.

На открытии конференции присутствовали журналисты разных стран, но все дальнейшие прения постановили сохранять в тайне. На 8 (20) мая назначили следующее пленарное заседание для распределения делегатов по комиссиям. Организационная работа происходила на дому у Стааля, где собирались первые уполномоченные от держав. Сообщая об этом в МИД, Егор Егорович подчеркнул полезность таких предварительных обменов мнениями, чтобы «в спокойной частной беседе выяснились различные взгляды и по возможности предотвращались опасные для правильного хода занятий конференции резкие столкновения между представителями держав»⁵².

В дальнейшем Стааль регулярно информировал центр о ходе работы. 7 (19) мая на совещании у Стааля решили сосредоточить прения по вопросам программы конференции в трех комиссиях, а общему собранию предоставить обсуждать и утверждать подготовленные проекты. I комиссия (с двумя подкомиссиями) дебатировала соглашение

⁴⁹ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 568. Оп. 1. Д. 779. Л. 103 об., 107, 113—114.

⁵⁰ АВПРИ. Ф. 340. Оп. 787. Д. 5. Л. 33.

⁵¹ Правительственный вестник. 1899. № 86.

⁵² АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1899 г. Д. 62. Т. 1. Л. 7.

о сохранении на известный срок нынешнего состава сухопутных и морских вооруженных сил, военных бюджетов, а также возможность их сокращения в будущем. II комиссия (также с двумя подкомиссиями) изучала применение к морским войнам начал Женевской конвенции 1864 г. и пересматривала декларацию о законах и обычаях войны, выработанную на конференции 1874 г. в Брюсселе. Наконец, на долю III комиссии оставался вопрос о мирных способах разрешения международных споров. Члены комиссий назначались по усмотрению глав делегаций из числа ее участников, причем первый и второй делегаты от каждого государства могли работать во всех трех комиссиях, а технические и научные — только в тех, в которых состояли, а также в пленарных заседаниях.

Кроме организационных дел, на этом заседании по инициативе нидерландского делегата затронули проблему неприкосновенности частной собственности на море во время войны. Поскольку в Главном морском штабе России признали обсуждение этого вопроса «в высшей степени вредным для России», его не включили в окончательную программу. К тому же стало известно о противодействии Англии, Франции и Италии его постановке. Поэтому при первой атаке Стаалю даже не пришлось ввязываться в бой — его принял на себя итальянский уполномоченный.

На пленарном заседании 8 (20) мая Стааль обозначил в общих чертах задачи конференции. Вновь это был его собственный текст, а не заготовка Мартенса. Последний остался недоволен, так как семь восьмых речи касались арбитража и лишь одна восьмая — разоружения. Такой перенос акцентов выглядел как отказ России от исходного замысла, полагал Мартенс, ранее утверждавший, что только арбитраж «вытянет» конференцию.

После длительных споров главы делегаций держав на совещании 11 (23) мая согласовали состав трех комиссий и назначили их председателей и вице-председателей. По словам Стааля, это потребовалось, «чтобы, без ущерба для дела, было по возможности удовлетворено национальное и личное самолюбие делегатов различных государств, — вопрос, который, несмотря на всю его мелочность, мог иметь немалое влияние на ход его прений»⁵³. Как видим, выдержка и мудрость опытного дипломата сразу оказались востребованными. В тот же день на третьем пленарном заседании решение единогласно одобрили. Кроме того, постановили давать прессе лишь краткие сообщения о работе комиссий с разрешения председателя, что вызвало острую дискуссию. Сообщая об этих перипетиях в Петербург, Стааль отметил, что, несмотря на меры, принятые к сохранению тайны, его вступительная речь была напечатана в местных газетах. По мнению дипломата, это не имело серьезного значения, а в «утечке», вероятно, повинны американские журналисты.

На обсуждении вопроса о неприкосновенности частной собственности на море настаивала Германия, которая, по мнению Стааля, извлекла бы из его положительного решения наибольшую выгоду, поскольку имела большой торговый флот, особенно на Балтике, и сравнительно меньший военный. России, не имевшей значительного торгового флота, это было невыгодно, особенно в случае войны с Германией. Поэтому Стааль воспротивился дебатированию этого вопроса и 7 (19) мая телеграфом запросил дополнительных инструкций МИД. Он направил в министерство две записки, изложив возможные варианты действий в зависимости от обстоятельств. В первой Егор Егорович сформулировал положения, которые хотел озвучить на заседании при формальной постановке вопроса. Во второй — изложил аргументы, которые намеревался использовать в частных беседах с делегатами великих держав, чтобы доказать недопустимость признавать неприкосновенность частной собственности на море.

В первом документе отказ обсуждать вопрос мотивировался одним из принципов, положенных Россией в основу всего замысла, — обязательность успеха конференции. Важнейшее условие для этого, полагал Стааль, точно определить содержание и цель занятий делегатов. «Только в том случае, когда правительства, приглашенные на конференцию, знают наперед, в чем будет заключаться объект их рассуждения, они могут подготовить

⁵³ Там же. Л. 39–39 об.

материалы, необходимые для зрелого решения, — утверждал он, — равно как снабдить своих уполномоченных точными инструкциями. Соглашение между государствами возможно только в том случае, когда дебаты протекают в определенных границах и касаются определенных вопросов».

Поскольку программу конференции державы приняли без изменений и дополнений, она и должна служить единственным основанием для работы. При этом Стааль ссылаясь на решение, принятое на втором пленарном заседании. «Ничто не может в такой степени повредить ее успеху, — писал он, — как неожиданное появление новых проектов и требований, способных внести смущение в ее среду, нарушить правильное течение ее занятий. Желание чрезмерных успехов нередко является наилучшим средством к тому, чтобы сделать невозможными какие бы то ни было успехи вообще».

Поэтому, если представитель какой-либо державы официально поставит вопрос, Стааль заявит, что русские делегаты, не имея соответствующих инструкций, «будут лишены возможности присоединиться к какому бы то ни было решению по означенному вопросу, не предусмотренному принятой конференцией программой»⁵⁴. Эта строго формальная позиция позволяла избежать нежелательных дебатов и в дальнейшем не раз использовалась, кстати сказать, не только русскими делегатами.

Во второй записке Егор Егорович изложил возражения по сути проблемы. Основной его аргумент касался различия между войной на суше и на море. Поскольку война является мерой международного принуждения, то отказ признать неприкосновенность частной собственности на море Стааль вполне обоснованно рассматривал как такое средство. Если в войне на суше есть более действенные средства, например верховное право собственности над занятой территорией, то в морской войне почти единственным средством принуждения (кроме блокады портов) неприятеля является разорение его морской торговли. Признание неприкосновенности частной собственности на море, утверждал дипломат, обесилит морскую войну и сделает ее невозможной, а это «изменит существенным образом установившееся соотношение военных сил государств: обезоружит одни и увеличит силу сопротивления других»⁵⁵. Между тем в задачу конференции входило изыскание средств, в равной степени приемлемых для всех государств.

Именно в этом тезисе — по возможности сохранить («заморозить») пока еще достаточно выгодное для России соотношение сил, сложившееся на международной арене, — и состояла суть замысла Петербурга при организации конференции, а все остальное служило лишь средством его реализации. Обе записки Стааля Николай II одобрил. На первой его резолюция гласила: «Совершенно верно», на второй — «Справедливо». Этими указаниями и руководствовался глава русской делегации при следующей попытке возбудить спорный вопрос в заседании 2-ой подкомиссии II комиссии, пересматривавшей статьи Брюссельской конвенции, в которых речь шла о неприкосновенности частной собственности на суше. Хотя и на этот раз ему удалось воспрепятствовать обсуждению проблемы, он не сомневался, что позже ее вновь поставят.

Успешный пересмотр Брюссельской конвенции, по оценке Стааля, явился первым положительным результатом трудов конференции. 8 (20) июня в общем заседании II комиссии проект декларации о законах и обычаях сухопутной войны приняли в первом чтении с редакционными изменениями. По предложению главы делегации Бельгии О. Бернара в проект внесли семь новых статей. Стааль согласился принять их, хотя они не были предусмотрены инструкциями, полученными военными представителями России. Поскольку статьи «не вызывают никаких возражений с политической точки зрения» и, по его мнению, «отвечают общему духу проектируемой конвенции», дипломат на этот раз не запрашивал специальных полномочий, чтобы не тормозить ход работ.

⁵⁴ Там же. Л. 107—108 об.

⁵⁵ Там же. Л. 110—112.

На общем заседании II комиссии вновь всплыл вопрос о неприкосновенности частной собственности на море. Делегация Соединенных Штатов направила Стаалю как председателю официальное письмо, предлагая обсудить его, если конференция признает себя компетентной. Такая форма обращения не позволяла ему отказать вынести проблему на рассмотрение II комиссии, но, опираясь на две свои записки, он намеревался в случае необходимости отстаивать изложенные в них соображения⁵⁶. Однако на последнем заседании II комиссии 23 июня (5 июля) постановили изучение этой сложной задачи отложить до новой конференции, при этом делегаты Великобритании и Франции воздержались от голосования, сославшись на отсутствие инструкций. Таким образом, вопрос был снят, хотя, по мнению Стааля, в случае его постановки на голосование легко мог бы быть решен в положительном смысле.

III комиссия под председательством француза Л. Буржуа провела девять заседаний. Стааль доложил в МИД, что внес в текст проекта конвенции редакционные поправки, «чтобы не возникло никаких сомнений в истинном ее значении». Кроме того, проект устава третейского суда он дополнил новым параграфом, с целью «облегчить для держав, которые пожелают прибегнуть к третейскому суду, трудный вопрос выбора судей». Чтобы избежать упреков в «самодеятельности», опытный дипломат не преминул подчеркнуть, что внесенные изменения «находятся в полном соответствии с взглядом, изложенным в высочайше утвержденной 26 апреля записке о международном третейском трибунале»⁵⁷.

II (23) мая редакционный комитет рассматривал постатейно русский проект о добрых услугах и посредничестве, причем делегаты четко ограничили свою задачу: облегчить III комиссии ее работу, но не предпринимать обсуждения и принятия решения. Камнем преткновения стала формулировка второй статьи, предусматривающей в случае серьезных несогласий или конфликта между державами обращаться к мирным способам прежде, чем к оружию. Русский проект устанавливал полную свободу государств не прибегать к посредничеству в тех случаях, когда это могло их стеснить, но обращаться к нему, если обстоятельства это допускали.

В комиссию представили три проекта: русский, английский и американский. Глава британской делегации Дж. Паунсфот предложил Е.Е. Стаалю принять за основу для обсуждения английский, а не русский. Несмотря на то, что, по мнению некоторых делегатов (в том числе Германии и Австро-Венгрии), русский был предпочтительнее английского, последний, по оценке Стааля, «имел много существенных недостатков» и отличался «крайней неопределенностью» редакции, Егор Егорович не настаивал на первенстве отечественного. Поясняя руководству МИД мотивы решения, он отметил, что, во-первых, английский проект «имеет немало практических достоинств, значительно облегчающих его осуществление», поскольку оставляет «широкий простор усмотрению заинтересованных государств». Во-вторых, многие положения об учреждении постоянного бюро, сформулированные в предложении Паунсфота, почти тождественны русским, и, кроме того, именно ему принадлежит приоритет в этом вопросе. Стааль подчеркнул, что в случае отказа принять за основу обсуждения английский проект вырисовывалась опасность исключительного и частного соглашения английского и американского делегатов.

Между тем американский проект, по оценке опытного дипломата, был крайне неудобен, потому что устанавливал избрание судей высшими судебными учреждениями государств помимо правительств. Также он предусматривал присвоение трибуналу административных функций, что создавало из него «независимое от правительства высшее международное судилище, которое легко могло бы приобрести и политический характер». Поэтому лучшим средством противодействовать протаскиванию американского варианта Стааль признал поддержку английского с условием внесения в него отдельных изменений. Для этого он вступил в приватные переговоры с Паунсфотом вне рамок

⁵⁶ Там же. Л. 524–524 об.

⁵⁷ Там же. Л. 71–72.

конференции и выработал формулировки, с которыми тот в принципе согласился. Решили вести обсуждение на основе проекта Паунсфота, а он обязался не возражать против русских поправок. Кроме того, Стааль познакомил некоторых делегатов с записками Гессена о посредничестве и третейском трибунале.

Десятидневные труды Гаагской конференции завершились 17 (29) июля. На ее торжественное закрытие собрались представители 26 государств — «ученые и политики, идеалисты и скептики, люди старых традиций и новых чаяний, люди пера и люди меча», — писал Гессен. Тихо, но внятно раздавался голос президента конференции, который говорил о росте влияния моральных идей в сфере политики, о неизбежном торжестве солидарности над рознью и международного мира над войной. «Что касается меня, — закончил Стааль, — то я подошел к пределу моей деятельности и к закату моей жизни; но я испытываю высшее наслаждение, когда я вижу открывающиеся предо мною новые горизонты человеческого блага, когда я могу устремить свои взоры в чистую лазурь грядущих времен»⁵⁸.

Вскоре после закрытия конференции Стааль намеревался просить об отставке, но руководство МИД и Николай II хотели, чтобы Егор Егорович оставался на посту как можно дольше⁵⁹. Он подчинился, но все чаще сетовал на пошатнувшееся здоровье.

Многолетние труды Е.Е. Стааля высоко оценили в отечестве — 30 августа (11 сентября) 1902 г. его удостоили высшего ордена Российской империи — Св. Андрея Первозванного. Радость старого дипломата была безмерной: в письме на следующий день он уверял Ламздорфа, что об этой высокой награде «будет помнить до последнего вздоха»⁶⁰. 2 (15) октября посол вручил свои отзывные грамоты и признался, что «покидает Англию с самыми лучшими воспоминаниями», хотя силы его исчерпаны⁶¹. Уйдя отставку, он получил назначение членом Государственного Совета с правом посещать заседания по мере возможности. Однако силы его оставляли, зрение сильно ухудшилось — одно из последних писем Ламздорфу, датированное 1905 г., написано синим карандашом и не свойственными для Стааля крупными буквами. Свой век Егор Егорович доживал в Париже, где и скончался 9 (21) февраля 1907 г.

Родственник покойного и публикатор его дипломатической корреспонденции А. Мейендорф справедливо отметил, что Е.Е. Стааль не был выдающимся политиком, но карьерным дипломатом высокого уровня. В некрологе, опубликованном 25 февраля 1907 г. в *Times*, констатировалось: «Карьера привела его на один из самых высоких постов, хотя никогда он не играл решающей роли и не оказывал большого влияния на политику страны. Лишенный сильного агрессивного характера, он был достаточно умен и обладал возможностями, чтобы с честью выполнять деликатные и трудные задачи, которые ему доверяли».

Библиография

- Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией 1872–1885 гг. Ч. I–II. СПб., 1886.
- Гессен В.М. О вечном мире // Журнал министерства юстиции. 1899. № 4. С. 108–109.
- Головин К. Мои воспоминания. Т. II (1881–1894). СПб., 1910.
- Лисицына Н.Н. Закаспийский край в англо-русских отношениях (1880-е — 1907 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.
- Постников А.В. Схватка на «Крыше мира»: политики, разведчики, географы в борьбе за Памир в XIX веке / ред. и пред. академика В.С. Мясникова. М., 2005. С. 5–19.
- Рыбачёнок И.С. Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге. М., 2005.
- Сергеев Е.Ю. Большая игра. 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012.
- Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии: в 3-х т. М., 2018.
- Хидиятов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии. Ташкент, 1969.

⁵⁸ Гессен В.М. О вечном мире // Журнал министерства юстиции. 1899. № 4. С. 108–109.

⁵⁹ АВПРИ. Ф.340. Оп. 588. Д. 5. Л. 11–12.

⁶⁰ ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 779. Л. 282–283 об.

⁶¹ Там же. Л. 284–285, 287 об.

Хопкирк П. Большая игра против России: азиатский синдром. М., 2004.

Чичерин Г.В. Россия и азиатские народы // Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961.

Correspondance diplomatique de M. de Staal (1884–1900). Publiee par le baron A. Meyendorff. T. 1–2. Paris, 1929.

Rosen R. Forty years of diplomacy. New York, 1922.

Soroka M. Britain, Russia and the Road to the First World War. The Fateful Embassy of Count Alexander Benkendorff (1903–16). Farnham, 2011.

References

Afganskoe razgranichenie. Peregovory mezhdru Rossiej i Velikobritaniej 1872–1885 gg. [The Afghan demarcation. Negotiations between Russia and Great Britain 1872–1885]. Ch. I–II. Sankt-Peterburg, 1886. (In Russ.)

Chicherin G.V. Rossiya i aziatskie narody [Russia and Asian peoples] // Stat'i i rechi po voprosam mezh-dunarodnoj politiki [Articles and speeches on international politics]. Moskva, 1961. (In Russ.)

Gessen V.M. O vechnom mire [About the eternal world] // Zhurnal ministerstva yusticii [Journal of the Ministry of Justice]. 1899. № 4. S. 108–109. (In Russ.)

Golovin K. Moi vospominaniya [My memories]. T. II (1881–1894). Sankt-Peterburg, 1910. (In Russ.)

Hidayatov G.A. Iz istorii anglo-russkikh otnoshenij v Srednej Azii [From the history of Anglo-Russian relations in Central Asia]. Tashkent, 1969. (In Russ.)

Hopkirk P. Bol'shaya igra protiv Rossii: aziatskij sindrom [The big game against Russia: asian syndrome]. Moskva, 2004. (In Russ.)

Lisitsyna N.N. Zakaspijskij kraj v anglo-russkikh otnosheniyah (1880-e – 1907 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Transcaspiian region in Anglo-Russian relations (1880s – 1907): abstract of the dissertation for the degree of Candidate of I.N.]. Moskva, 2006. (In Russ.)

Postnikov A.V. Skhvatka na “Kryshe mira”: politiki, razvedchiki, geografy v bor'be za Pamir v XIX veke / red. i pred. akademika V.S. Myasnikova [The fight on the “Roof of the world: politicians, scouts, geographers in the struggle for the Pamirs in the 19th century]. Moskva, 2005. (In Russ.)

Rybachyonok I.S. Rossiya i Pervaya konferenciya mira 1899 goda v Gaage [Russia and the First Peace Conference of 1899 in The Hague]. Moskva, 2005. (In Russ.)

Sergeev E.Y. Bol'shaya igra. 1856–1907: mify i realii rossijsko-britanskikh otnoshenij v Central'noj i Vostochnoj Azii [Big game. 1856–1907: Myths and Realities of Russian-British relations in Central and East Asia]. Moskva, 2012. (In Russ.)

Terent'ev M.A. Istoriya zavoevaniya Srednej Azii [History of the conquest of Central Asia]: v 3-kh t. Moskva, 2018. (In Russ.)

Correspondance diplomatique de M. de Staal (1884–1900). Publiee par le baron A. Meyendorff. T. 1–2. Paris, 1929.

Rosen R. Forty years of diplomacy. New York, 1922.

Soroka M. Britain, Russia and the Road to the First World War. The Fateful Embassy of Count Alexander Benkendorff (1903–16). Farnham. 2011.